БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович

канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ)
Электронная почта: BatunaevEduard@mail.ru

Политика Коминтерна в Монголии

УДК 94 (517) doi: 10.24866/2542-1611/2017-3/18-24

*Монголия,
Советская Россия
Китай,
независимость,
политика,
Коминтерн,
монгольская революция
1921 г.,
геополитическое
положение*

Внешнеполитический курс Советской России в 20–30-е гг. XX в. был направлен на распространение идей мировой революции и борьбой с международным империализмом. В связи с поражением революционного движения в Европе, азиатское направление революционизации стало наиболее перспективным. Коминтерн выступал в роли проводника идей мировой революции на Восток, в первую очередь в Китай. В политике Коминтерна Монголия занимала важную роль в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов, панмонголизма. В дальнейшем с изменением международной ситуации Коминтерн сосредоточил работу на укреплении собственных позиций, в поддержке «левых» во внутриполитической борьбе, а также реализации планов по некапиталистическому развитию Монголии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту №15-21-03006 «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.»

В 1911 г. в результате национально-освободительного движения Монголия провозгласила независимость от Цинской империи. Главой монгольского государства в форме теократической монархии стал Джебцзун-Дамба-хутухта. В тех условиях Царская Россия, преследуя свои экономические и политические цели, поддержала вновь созданное монгольское государство и выступила в роли посредника в решении «монгольского вопроса». Таким образом, с одной стороны, Монголия была своеобразным «мостом» в русско-китайской торговле, а с другой стороны, представляла «буфер» от возможной экспансии с востока. Тем самым «монгольский вопрос» оставался одним из приоритетных направлений не только внешней, но и внутренней политики России.

После подписания ряда договоров по решению «монгольского вопроса» (русско-монгольского 1912 г., русско-китайской декларации 1913 г., русско-китайско-монгольского соглашения 1915 г.) был определен юридический статус Монголии как широкой автономии в составе Китая. Это означало, что Монголия «де-юре» находилась в составе Китая, а «де-факто» была независимым государством. На тот момент такое положение Монголии отражало баланс сил, сложившийся между Россией и Китаем. Революция и гражданская война в России, а затем в Китае по сути сломала кяхтинскую систему 1915 г. и вывела на политическую арену новых акторов, тем самым существенно повлияв на расстановку сил в центральноазиатском регионе.

Китай, воспользовавшись ослаблением России, в 1919 г. ликвидировал автономию Внешней Монголии, нарушив кяхтинское соглашение 1915 г. В этих условиях в Монголии возникают первые революционные кружки с целью национального освобождения страны. Единственной страной, которая могла оказать помощь в борьбе за национальную независимость, стала Советская Россия. В связи с этим была отправлена делегация монгольских революционеров из числа знаменитой «семёрки» с обращением помощи к Советской России.

По мнению А. С. Железнякова, «в этих условиях монгольская делегация оказалась перед выбором: вернуться на родину ни с чем или попытаться разобраться в логике большевистского видения будущего Монголии». В спорах и столкновениях как внутри делегации, так и советскими партнерами по переговорам у отдельных «кружковцев» зрело убеждение в целесообразности сделать ставку на то, чтобы заинтересовать большевиков возможностью создания в Монголии своеобразной степной Коммуны» [4, с. 49]. Идеологической основой перехода Монголии к «некапиталистическому пути» развития стало высказывание В. И. Ленина на встрече с монгольской делегацией: «... единственно правильным путем для ... вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России» [6, с. 246].

Более того, руководство большевиков рассматривало азиатские страны как один из наиболее перспективных регионов продвижения идей мировой революции. В 1919–1920 гг. Исполком Коминтерна создал ряд органов, занимавшихся проблемами национально-освободительного движения в разных районах мира. Координацию всей работы по развёртыванию национально-освободительной борьбы осуществлял Восточный отдел, созданный по решению Бюро ИККИ от 11 декабря 1919 г. [1, с. 10].

При Сиббюро РКП(б) была организована секция восточных народов в которую, в свою очередь, вошли китайский, корейский, монголо-тибетский, японский отделы. В ходе реформирования секция перешла в ведение Дальневосточного секретариата ИККИ [1, с. 26], руководителем которой был назначен известный революционер, член Реввоенсовета 5-й армии, член Сибревкома, уполномоченный Наркомата иностранных дел на Дальнем Востоке Б. З. Шумяцкий. Особая заслуга Б. З. Шумяцкого состояла в привлечении кадров в Монголию, способных трудиться на различных участках государственной и хозяйственной деятельности. Секция, являвшаяся фактически филиалом Коминтерна, была основным центром «революционной дипломатии» в сопредельных странах Дальнего Востока. В задачи секции входило: подготовка и организация коммунистических групп и партий в Китае, Японии, Корее и Монголии; военно-техническая и идеологическая помощь оппозиционным силам (не обязательно коммунистическим) в этих странах; подготовка профессиональных революционеров из числа национальных кадров. Л. Б. Жабеева в деятельности Коминтерна в Монголии первой половины 20-х годов выделяет два основных направления: «Во внешнеполитическом плане... большевистские руководители рассматривали Монголию, как вполне конкретный плацдарм продвижения революции вглубь Азии, как перевалочную базу снабжения китайских революционеров. Во внутреннем плане проводилась линия на упрочнение позиций ВКП(б),

Коминтерна и Советов, на преодоление упорного противодействия и даже противоборства со стороны правительства МНР, выступавших за самобытный путь развития» [3, с. 272].

После того как барон захватил Ургу и изгнал оттуда китайцев, задача Коминтерна с политической точки зрения изменилась, стала значительно проще. На первый план выдвигается борьба с Унгерном, и делу освобождения Монголии был придан характер ликвидации «классового врага» и вместе с тем уничтожения опасного для советских границ плацдарма в Монголии. В военном отношении существовало два варианта уничтожения Азиатской дивизии Унгерна. Руководитель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцкий зимой предложил план разгрома Унгерна путем завлечения его к советской границе, используя в качестве «приманки» монгольские революционные отряды. «Этот план, – отмечал он в одном из писем наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину, – позволил бы избежать изнурительного ... и не нужного для советской России похода на Ургу». Другой подход, разработанный в правительстве ДВР, наоборот, предусматривал военную экспедицию на столицу Внешней Монголии [8, с. 74].

В связи с этим всё более активизировалась деятельность Коминтерна в Монголии. Всемирное содействие китайской революции, усилить советское и коминтерновское влияние на монгольской территории. Деятельность Монголо-Тибетского отдела Секции восточных народов (далее – Секвостнар), общей задачей которого является революционирование монголо-тибетской массы, распространение на нее влияния Советской России и вовлечение в борьбу с мировым империализмом в его азиатских проявлениях, распадаясь на работу на местах непосредственно, должна строиться на безусловном учете тех особенностей, какие являются результатами экономического уклада этих двух стран и их исторической судьбы. В планы монголо-тибетского отдела Секвостнар входили установление отношений с Тибетом, организация отделов партии в крупных центрах Монголии, вербовка способных агитаторов, создание агентуры итд. В связи с этим было принято решение о создании политической и военной школы в городе Иркутск для подготовки кадров с преподаванием на монгольском языке. (РГАСПИ Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 25-30).

По линии Коминтерна оказывалась существенная помощь финансами, военными инструкторами из числа бурятов и калмыков, а также поставками оружия и другими материальными средствами. Помимо стратегических соображений при анализе монгольского фактора советское руководство учитывало и обстоятельство революционной целесообразности. Причем, уже на данном этапе Коминтерн предлагал использовать в Монголии: «... панмонгольскую основу для революционного движения, что дало бы «положительный материал к ... пробуждению национального самосознания монголов»; тактику единого фронта всех слоев населения Монголии на почве активной революционной борьбы с китайским империализмом». Левые лозунги на разжигание классовой борьбы внутри Монголии между аратами и князьями и организацию совдепов Коминтерн считал преждевременными, сохраняя их на будущее (РЦХИДНИ Ф. 495, Оп. 152, Д. 1, Л. 26–29). Коминтерн для достижения своей цели в деле распространения мировой революции поддерживал панмонгольские устремле-

ния, стремясь использовать многочисленные монголоязычные народы Внутренней Монголии для революционизации Китая. В связи с этим поддерживались связи по линии Коминтерна с НРП Внутренней Монголии.

Стратегически Китай оставался соперником Советской России в связи с тем, что последняя оказывала помощь монгольским революционерам, борющимся за независимость, но тактически в конце 1919 – начале 1920 гг., коминтерновское руководство рассматривало его как возможного временного союзника в борьбе с семёновским режимом и влиянием «старой» России [7, с. 89]. По мере подготовки (коммунистических групп) из китайского, монголо-тибетского, корейского, японского отделов секция восточных народов перебрасывает их в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах как партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну» (РЦХИДНИ Ф. 495, Оп. 154, Д. 21, Л. 81).

Необходимо отметить, что советские власти не хотели в этот период портить отношения с китайским режимом из-за Монголии и открыто включаться в монгольские дела. Идея «Китайской Федерации», прозвучавшая на переговорах в Иркутске и Москве, была вновь обозначена в «Платформе» (программе) Монгольской народной партии, принятой 1–3 марта 1921 г. в г. Кяхте. В ней, в частности, говорилось, что «МНП стремится: в будущем, объединив все монгольские народы, создать единое государство; ныне – сбросив жестокий китайский гнет, восстановить власть недавно уничтоженной автономной Внешней Монголии (п. 2)» [7, с. 232].

В следующем пункте говорилось о том, что поскольку Китай населяют многие народы, различные по происхождению и вероисповеданию, то его следовало бы разделить на несколько независимых государств: Южный Китай, Северный Китай, Сычуань, Тибет, Туркестан, Маньчжурию, Монголию, которые были связаны договором о взаимопомощи. Это было бы договорное (федеративное) Срединное государство, которое могло бы успешно бороться с внешними империалистическими странами – и МНП за участие в таком государстве [9, с. 28–29].

Но в то же время Коминтерн постоянно контролировал вопросы политики, идеологии и организации не столько своих коммунистических секций, но и сочувствующих партий, не всегда учитывая условия этих стран, предъявляя им требования единого образца, зачастую бесцеремонно вмешиваясь в их внутренние дела, навешивая на сомневающихся в его политике ярлыки «правых», «левых» оппортунистов и даже решая судьбу их руководителей. Кроме того, президиум ИККИ принял специальную резолюцию по монгольскому вопросу, на содержание которой сильно сказались итоги V Конгресса Коминтерна (июнь-июль 1924 г.), выдвинувшего задачу большевизации партий-секций. И главный смысл резолюции – распространение идеи «большевизации» на МНП (хоть эта партия была лишь «сочувствующая»), добиться реализации политического курса «левых» [5, с. 75]. По мнению монгольского историка О. Батсайхана, «со стороны Коминтерна предпринимались попытки по расколу руководителей партии и государства Монголии на «правых» и «левых», а также по делению на «сельских» и «городских», «старых» и «молодых» [2, с. 203]. Тем са-

мым Коминтерн стремился навязать монгольскому руководству свою политику через своих представителей, ограничить его власть.

Коминтерн и его полномочные представители в Монголии стремились пересмотреть ориентацию на национально-демократическое развитие страны, организовать внутри монгольского общества силы, признающие социалистические цели и борющиеся за то, чтобы противопоставить «левых» монгольских руководителей «правым». Вместе с тем следует упомянуть о серьёзном личном и политическом конфликте представителя Коминтерна МНР Турара Рыскулова с видным бурятским деятелем Э.Д. Ринчино, командированным в Монголию Дальневосточным секретариатом Коминтерна в 1921 г. в качестве советника правительства. Э.Д. Ринчино, один из лидеров революционного и национально-освободительного движения бурятского народа, находился у истоков создания национальной государственности бурят. В Монголии участвовал в разгроме частей барона Унгерна, за что в 1922 г. был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Э.Д. Ринчино в своих взглядах удивительным образом пытался совместить идеи панмонголизма и мирового революционного движения, которые, в свою очередь, не совпадали с общей политикой коминтерновского руководства. Борьба Т. Рыскулова и Э.Д. Ринчино проявлялась через призму личных неприязней и соревнования за влияние вне зависимости от их принципиальных разногласий. Следует отметить, что в углублении конфликта определенную роль сыграла позиция полпредства в лице А.Н. Васильева, поддерживающего Э.Д. Ринчино и имеющего старые счёты с Т. Рыскуловым по Туркестану [10, с. 150]. Тем не менее было сделано немало полезного по содействию активизации всей общественной жизни, разработке важных документов. В то же время были допущены промахи и ошибки: слабый учёт местных особенностей, авторитарные методы, чрезмерный радикализм. Рыскулов разделял бытовавшее в Москве мнение, что пора освободить Монголов от влияния Ринчино. Конфликт зашел так далеко, что 15 июня 1925 г. ЦК МНРП на закрытом заседании принял решение обратиться в ИККИ с просьбой отозвать в Москву и Рыскулова, и Ринчино (РГАСПИ Ф. 495, Оп. 152. Д. 33, Л. 203–204).

По мнению С.К. Рощина, «национальным демократам, находившимся под перекрестным огнем критики со стороны коминтерновских представителей и худонской оппозиции, с немалым трудом удавалось проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов». По существу, в феврале 1927 г. национальные демократы кратко сформулировали своё политическое кредо, суть которого заключалась в укреплении монгольского национального корня (т. е. в обеспечении национального возрождения Монголии), устранении разграничений на ургинцев и худонцев, на старых и новых. Правда, вскоре под давлением коминтерновской политики, партийное руководство отмежеввалось от этого призыва, но он был популярным и фактически в известной мере продолжал действовать.

К 1928 г. в руководстве ВКП(б) и Исполкоме Коминтерна (ИККИ) укреплялась линия на усиление борьбы с «правой опасностью» в МНР. На VII съезде МНРП (23 октября – 11 декабря 1928 г.) национальные демократы («правые») потерпели поражение. Решающую роль в этом сыграла делегация Коминтерна, которая руководство-

валась резолюцией ИККИ по монгольскому вопросу от 14 сентября 1928 г. [11, с. 59]. В начале 1932 г. в Москве пришли к выводу, что настала пора детально обсудить монгольский вопрос в связи с сигналами об ухудшении положения в стране, о разногласиях в монгольском руководстве и среди советских и коминтерновских представителей. Это означало, что многолетняя практика работы уполномоченных Коминтерна заканчивалась, решили переходить на «единоначалие». Главное заключалось в том, что курс брался на приоритеты двухсторонних межпартийных связей (ВКП(б) – МНРП) и межгосударственных отношений (СССР—МНР) [5, с. 94]. Политика МНРП, направленная на форсированное строительство социализма и перехода к «некапиталистическому развитию», получила название «левого курса». Ошибки и перегибы проводимого курса, в частности, антирелигиозная компания, насильственная коллективизация, повышение налогов монастырских хозяйств, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом которого стало восстание в Монголии 1932 г. Восстание было жестоко подавлено с помощью вооруженных сил МНРА, участники были подвергнуты преследованиям и репрессиям. На III Чрезвычайном пленуме ЦК МНРП были приняты решения, направленные на исправление ошибок «левого курса», которые вошли в историю под названием политики «нового курса».

Таким образом, политика Коминтерна Монголии проводилась, с одной стороны, в рамках продвижения идей мировой революции на Востоке, где Монголия выступала в роли плацдарма в революционизации Китая с использованием национально-освободительного движения монгольских народов, идей панмонголизма, а с другой, для укрепления собственных коминтерновских позиций и советских партийных структур во внутривосточной борьбе и реализации планов по некапиталистическому развитию Монголии. С изменением международной ситуации в 30 – 40-е гг. XX в. связанный с агрессивными планами Японии внешнеполитический курс Коминтерна в Монголии был пересмотрен в сторону укрепления обороноспособности и развития советско-монгольских межпартийных связей.

Литература

1. Адиебеков Г.М. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 287 с.
2. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). – Иркутск: Оттиск, 2014. – 384 с.
3. Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. – 334 с.
4. Железняков А.С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. Сер.13. 2000. № 1. С.46–60.
5. История Монголии XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. – 448 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. – 5 е изд. – М.: Политиздат. – 662 с.
7. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 268 с.
8. Лузянин С.Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 71–83.
9. Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал (1921 оны гуравдугаар сарын 1–3 Ундсэн баримт бичгууд). (Первый великий хурал Монгольской народно-

революционной партии. 1–3 марта 1921 г. Основные документы) – Уланбаатар, 1971. – 217 с.

10. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / Науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – Ч. 1: (1919–1929). – 527 с.

11. Рощин С.К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): Доклады российской делегации. – М.: РАН, 1997. – С. 59–64.